

МАССР В 1932-1934 ГОДАХ: БОРЬБА С КЛАССОВЫМ ВРАГОМ НА «КУЛЬТУРНОМ ФРОНТЕ»

Людмила БУРМЕНКО

Молдавский государственный университет

RASSM ÎN ANII 1932-1934: LUPTA CU DUȘMANUL DE CLASĂ PE „FRONTUL CULTURAL”

În articol se face o încercare de a reconstitui situația social-politică ce s-a creat în RASSM în 1932-1934, perioadă în care bântuia foametea și se desfășura campania de căutare a dușmanului de clasă.

Autorul constată că în felul acesta autoritățile vroiau să direcționeze responsabilitatea pentru toate greșelile în „construcția socialistă” pe seama unui dușman interior. Printre „inamicii” din RASSM se înscria și o parte a intelectualității acuzată de sabotaj pe „frontul cultural”.

Cuvinte-cheie: RASSM, partidul comunist, „dușman de clasă”, foamete, naționalism.

MASSR IN 1932-1934 YEARS: STRUGGLE AGAINST THE CLASS ENEMY ON THE "CULTURAL FRONT"

The social and political situation in MASSR in 1932-1934 when a company was held to find the class enemy during starvation was considered in this article.

The author notes that the authorities, in such a way, tried to shift their responsibility for all the mistakes in socialist construction. A part of the intelligentsia being charged with sabotage at the cultural front occurred to be among «the enemies» of the MASSR.

Keywords: MASSR, Communist Party, "class enemy", hunger, nationalism.

Для МАССР, 1932-1934 годы – это время критическое, которое партийные функционеры обозначили как «напряженное политическое состояние», сопровождавшееся голодом и эмигрантскими настроениями [1, с.136].

В *Закрытом письме бригады корреспондентов газеты «Правда»* [2], помимо описания так называемых *левацких перегибов местных властей* во время хлебозаготовок в МАССР, выражавшихся в прямых издевательствах над населением, читаем: «...Были обыски не только в деревнях, обыскивали и районные центры (Балта), рабочих и служащих, не исключая членов партии. «Потрусить город» – установка наркомснаба АМССР Купермана. В Балте во время обысков забирали у рабочих последние запасы хлеба, даже если они исчислялись фунтами. В Балте же было дано задание школьникам принести по 2,5 фунта муки (в порядке вовлечения школяров в хлебозаготовку)...». Несмотря на жесткий обличительный тон, в письме обращалось внимание на то, что перегибы могли быть подготовлены «наемной рукой» Румынии, однако ответственные работники ГПУ Балты, Тирасполя так не считают. Авторы обратили внимание и на факты прямого попустительства органов в отношении советских работников, которые поощряли грабежи, избиения и не понесли за это должного наказания: «За последнее время в Молдавии снято 5 контрреволюционных шпионских и белоэмигрантских организаций, арестовано более 150 человек, и когда мы спросили, есть ли среди арестованных хотя бы один человек, участвовавший лично в обысках, избиениях, арестах крестьян или влиявший на других в этом смысле, нам вначале вообще не смогли ответить на этот вопрос (в этом направлении никто не думал), а затем, минут через пять, ответили, что таковых нет». Из этого признания следует, что среди арестованных «классовых врагов», которые, с точки зрения властей, были ответственны за происходящее в республике, не было тех, кто действительно спровоцировал возникшую в автономии ситуацию.

Корреспонденты не обошли и самый тяжкий политический результат «хлебозаготовок»: «...остается прибавить, что из деревень, расположенных у самой границы, крестьяне-колхозники и неколхозники пачками бегут в Румынию. Есть факты неблагоприятных настроений среди пограничной охраны, которая видит, конечно, и повальные обыски у бедняков, и разваленные печи, и прочие издевательства...» (Фонд Яковлева).

Массовое бегство особенно усилилось к зиме-весне 1932 года, людей не останавливал даже смертельный риск, который они сознательно допускали, а Днестр стали называть «рекой смерти» (число ушедших за Днестр, несмотря на жестокие меры властей, перевалило за 20 тысяч) [3, с.25]. Тем же, кто оставался на левом берегу, приходилось впоследствии отвечать за родственников, избравших иную

жизнь. Так было и с молодой семьей Волошенко-Негруша из села Спешья. Мария Волошенко родилась и воспитывалась в крепкой крестьянской семье, которая смогла дать ей классическое гимназическое образование в городе Тирасполе. Когда семью ее мужа, Емельяна Негруши, раскулачили, он по пути сбежал, а впоследствии сумел уйти в Румынию и Мария сделала все, чтобы спасти себя и детей от возможных преследований. Переехала в Тирасполь, развелась, вернула себе девичью фамилию, окончила фельдшерские курсы и работала в туберкулезном диспансере. Прекрасно говорившая на русском и молдавском языках, молодая женщина могла бы принести немало пользы обществу, стране. Но ей никогда не давали забыть кто она по происхождению и кто был ее мужем. В ходе «румынской операции» она была арестована в октябре и расстреляна в декабре 1937 года [4, f.1].

Всем правдами и неправдами, под любыми предлогами люди пытались выехать за пределы республики в поисках хлеба или вообще покинуть ее. Молдобком признавал, что имел место массовый выезд из ряда сел (конечно, под влиянием агитации контрреволюционных элементов) за хлебом в северные районы, а также указывал на активность вербовщиков рабочей силы, которые способствовали выезду колхозников за пределы республики. Предлагалось вести активную разъяснительную работу среди населения и предостеречь его от подобных действий. Кроме того, сообщалось, что «НКПС даны указания, запрещающие продажу билетов за пределы Украины», сельсоветам приказано «немедленно прекратить выдачу справок на право выезда» [5, f.27-28]. Автономия голодала: по данным Л.Е. Репида, в 1932-1933 гг. умерло более 20 000 человек [6, с.90-95].

К 1933 году тяжелое положение с хлебом (недостаточное снабжение) вызвало различные слухи и разговоры, сводящиеся в основном к следующему: «Весь хлеб вывезен за границу, а мужик и рабочий голодает; хлеб у крестьян забрали, а нас кормят глиной, коммунисты не умеют хозяйничать...». В информационном письме Молдобкома особо отмечено: «Политическое настроение интеллигенции на селе в связи с кампаниями партии (хлебозаготовки, налог, самообложение) и недородом нельзя считать здоровым... явно антисоветская ее часть твердит и о том, что проводимая политика соввласти ведет к обнищанию населения...» [7, f.11-12].

М.М. Цуркан, в 1932-1933 годы студентка Коммунистического вуза, вспоминала (здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранены – Л.Б.): «...получали паек по 0,5 кг в день.. а учиться и работать надо было по-большевистскому. Дума о хлебе была... видим проходит бутка с хлебом а мы студенты так и думаем вот если бы упала бы буханка так и подняли бы и распределили на всех...» [8, f.1].

Провалы экономической политики, как известно, не должны были стать провалами политическими. Применяя жесткие меры с тем чтобы удержать контроль над ситуацией, власть разворачивала очередную кампанию по борьбе с контрреволюционными элементами, якобы доведшими страну до кризиса. Помимо кулаков, шпионов, белоэмигрантов, в число виноватых угодили и представители интеллигенции – деятели молдавской литературы, науки, образования...

Поиск «своих и чужих» в республике шел достаточно активно: в журнале «Красная Бессарабия» за 1932 год (№8-9) была опубликована статья И.В. Очинского «Молдавская литература в портретах и характеристиках», в которой характеристики, данные автором, достаточно определенно указывали на опасное идейное многообразие в писательской среде: «пролетарско-колхозное ядро», «союзики», «идеологи кулачества», «идеологи буржуазии». Отмечены в статье и основные направления молодой литературы, опубликованной в республике – романтизм, упадничество, поповщина. Тем самым автор указывал на то, что **классовое расслоение внутри писательской организации и есть причина многих ее трудностей**. Однако вскоре и сам профессор И.В. Очинский, откомандированный ЦК КП(б)У в октябре 1931 года для научной работы в МАССР, не оправдал надежд власти. Он должен был быть одновременно и «избавителем» от всех бед в сфере науки и активным борцом с различными уклонами. Однако стоило ему попытаться убедить коллег по Молдавскому Научному Комитету (МНК) и руководство автономии в необходимости отказаться от латинского алфавита, как и сам ощутил, что значит оказаться в положении «националиста» и «уклониста». Ю.Сырбул, заведующий этнографической секцией МНК, тут же написал в отдел культуры и пропаганды Молдобкома *Докладную записку*, в которой детально излагал намерения Очинского, предполагая, что тот намерен привлечь к работе новые кадры: «...Осуществление мероприятий, проектируемых т. Очинским, помимо полной ликвидации проведенной до сего времени работы по латинизации...» [9, с.145]. То, что коммунист Очинский усомнился в правильности генеральной линии партии, проводимой в языковой политике, уже само по себе

вызывало сомнение относительно его политической благонадежности, а новые сотрудники, им приглашенные, могли оказаться скрытыми врагами.

ЦК КП(б)У обращал внимание Молдобкома (совершенно секретно) «на факты недопустимого ослабления бдительности к работе врагов партии и советской власти – троцкистов, эсеров, меньшевиков. Ослабление бдительности выражается чаще всего в том, что троцкистам, эсерам, меньшевикам легко, без всяких проволочек, дают работу (хозяйственную, научную, преподавательскую и даже партийную)...Надо проверить хорошенько отдельных аппаратных работников, ведающих кадрами и распределением людей, выгнать гниль. А что там гнилые элементы, примеренцы есть – в этом нет никакого сомнения... На предсъездовских партийных ячейковых собраниях нужно вскрывать и разоблачать скрытые антипартийные элементы, особенно тех, кто уклоняется от открытых выступлений и высказываний своих взглядов, предпочитая высказывать эти взгляды в узком кругу и в частных беседах...» (18.11.1933. П.Постышев) [10, f. 67].

В докладной записке *О национально-культурном строительстве АМССР* вслед за перечислением успехов рапортовалось следующее: «Достижения социалистического строительства АМССР сопровождаются заостренными формами классовой борьбы, проявляющейся на различных участках национально-культурного строительства. Обсуждение вопросов национально-культурного строительства и борьбы с националистическими уклонами в АМССР, в свете исторической речи тов. Постышева на июньском пленуме ЦК КП(б)У, вскрыло засоренность Наркомпроса, Научного Комитета, Госиздата, ВУЗов, редакции и писателей классово-чуждыми элементами, занявшими ряд командных высот на этих участках культурного фронта, проводя в них вредительскую, буржуазно-националистическую работу. Система Наркомпроса сверху донизу оказалась засоренной классово-враждебными элементами. Методсектором НКП руководил, почти с основания АМССР, отъявленный националист ДУМИТРАШКО, протаскивающий буржуазно-националистическую идеологию в учебники, писавший явно враждебные буквари для детей, механически списывавший с румынских учебников буржуазно-националистический хлам... Инспектором соцвоса затесался сын урядника ГАНЬ, поддерживавший кулацкие элементы в школе, представивший к премированию как лучшего педагога отъявленного кулака учителя ПЛАШКО... Не менее засоренными...оказались ряд педагогических техникумов. Состав учителей сельских школ на 10% засорен классово-чуждыми, враждебными элементами. Сынки попов, кулаков, дьячков, урядников, махновцев и др. проходимцев ведут кулацкую вредительскую работу в школе. Так, например, в Слободзейском районе учителя СИГАНУР, ЦИМБАЛЮК (сын кулака), совместно с завшколой ШМЫМСКИМ, требовали организовать забастовку в связи с несвоевременной выплатой заработной платы, призывали к объединению другие школы...» [11, f. 67].

11 декабря 1932 года, молодые учителя Парканской семилетки объявили забастовку в знак протеста против задержки зарплаты, плохих условий жилья и труда (школа не отапливалась). Несмотря на то, что их требования были признаны справедливыми, Тираспольский райком партии дал этой акции вполне ясную политическую оценку: «В парканский педколлектив проникла группа вражеских элементов, сынов кулаков, которые открыто занимались организацией саботажа...» [12, с.145]. В школе началась чистка, а инициаторов забастовки В.М. Мильчевского, П.И. Киосева и И.И. Калчева немедленно отстранили от занятий. Система не прощала даже попытки инакомыслия тем, кто фактически на пустом месте поднимал образование, тем немногим интеллектуальным силам, которые способствовали ее укреплению (хотя бы отчасти). Не могло быть и речи о понимании свойственного интеллигенции состояния – принимать чужую боль острее, чем собственную; сострадание и исходящую от него солидарность с униженными и оскорбленными. Можно только представить, как тяжело переживали сельские учителя, врачи и фельдшеры, агрономы то положение, в котором оказались простые люди, далекие от политики, жившие до тех пор привычным укладом. Новая власть зачеркивала традиции, навязывала свои идеалы, прикрывалась демагогическими лозунгами, приучала к иждивенчеству. Представителей интеллектуальных сил было, конечно, очень мало в этой маленькой искусственно созданной республике. Наверное, несложно было для каждого из них угодить в докладные записки или просто стать предметом доноса. Может быть, они оставались идеалистами, верили, что система на самом деле желает построить «город-сад»? А может просто несли то, что считали своим долгом: хождением в народ нести просвещение и стать примером внутренней независимости? Каждый из них для решал себя все сам. От этого внутреннего убеждения часто зависела судьба человека.

Трагически обернулась кампания поиска врагов для Молдавского Научного Комитета. Если судить по отчетам Молдобкома, то там засели настоящие недоброжелатели Советской власти. А если взглянуть с высоты сегодняшнего дня, то нужно признать: не каждый научный орган сегодня может блеснуть таким разнообразием идей, новаторством и самобытностью. Докладная записка беспощадна: «особенная засоренность», «схоластические споры», «вредительство в области развития языка», «махровые националисты». Безусловно, в лингвистике, как и в любой области науки, возможны прорывы и псевдооткрытия, однако нельзя их рассматривать с точки зрения идеологии как политические, «абсурдные». Все дело было в том, что от комитета ждали быстрых результатов, предсказуемых ангажированных работ. Вместо этого вышла грамматика, которая «пронизана идеологически вредными, антипартийными, контрреволюционными, националистическими иллюстрациями, подобранными так, чтобы дискредитировать вождя партии, социалистическое строительство... Научный Комитет... фактически превратился в клубок националистических элементов... в ненужную, никому неизвестную организацию...» [13, f.18-24]. В самом деле, тоталитарному режиму хватило бы национально-культурного развития на уровне собирания фольклора как выражение экзотики края, без новаторства и придумывания новых слов. Не все оказались способными понять это. Были те, кто искренне верил, что молдавскому народу представилась возможность выйти на новый исторический уровень, двигаться вперед, показать всю глубину и красоту собственной культуры, богатство языка и музыки. Поэтому находились идеалисты, искренне убежденные, что для национально-культурного строительства в Молдавии не все делается, потому что все эти вопросы «как-то отошли на задний план, ими никто не интересуется, никто не руководит...». Не до них было партии, которая переживала политические процессы и чистки, проигрывала одну экономическую кампанию за другой.

Наступал новый этап – утверждение тоталитарной системы на всей территории страны. В ее рамках мог находиться только один народ, спаянный одной идеей, преданный одному вождю. Проблемы национального развития стали играть прикладную роль, некую обязательную программу для местной республиканской власти. Стали падать и без того невысокие темпы коренизации и латинизации, которые отошли на второй-третий план в сравнении с хозяйственными задачами. Но отчитываться о них все равно приходилось, как о первоочередных!

В материалах *О состоянии молдаванизации и латинизации советско-опр.-хозяйств. аппарата на август 1933 г.* [14, p.162-163] было отмечено: «Делом коренизации аппарата не занимаются... По некоторым уч[режде]ниям количество молдаван и знающих молдавский язык за последнее время даже уменьшилось (Госбанк, НКЗдрав, НКЮст и проч.). Есть и такие учреждения, где нет ни одного молдаванина, либо знающего молдавский язык (Страхкасса, Молдснаб, Соцзембанк)... Вопросом изучения языка работниками аппарата комиссии почти не занимаются... В предназначенные дни для молдаванизации всегда проводятся какие угодно собрания, заседания и проч. Бывают и такие явления, когда администрация не отпускает работников на лекции (Дорожное управление, База Умчеко, ЦРК и проч.)». Если в 1930-1931 годы были организации полностью молдаванизированные, то под предлогом сложности латинизации они в большинстве перешли на украинский язык.

Одной из попыток не допустить казенного бюрократического отношения к проблемам национальной культуры в МАССР стало письмо заведующего исторической секцией Молдавского Научного Комитета Багрова, адресованное ЦК КП(б)У, в котором положение в автономии было представлено в самом неприглядном виде: «...имеются техникумы, но нет преподавателей, имеются ВУЗы, но нет профессоров, имеется научный комитет, но не имеется в нем научных работников...». И далее: «Можно без преувеличения сказать, что ни одно центральное, районное или сельское учреждение не ведет делопроизводство на молдавском языке... Со времени существования Молдавской Республики еще никогда не было такого положения, когда бы культпроп Обкома, которому приходится самому конкретно и непосредственно руководить национально-культурным процессом, не знал бы языка, не мог бы читать газету, следить за выходящей литературой и т.п. Думаю, что излишне доказывать невозможность сколько нибудь серьезно руководить нацкультурным строительством через переводчиков... Вокруг любой молдавской книжки возникают нередко самые дикие толки, слухи – в результате которых из Культпропа поступает распоряжение изъять книгу, хотя никто толком не знает в чем дело... Оказалось, что в Молдавии людей, могущих грамотно оформить стабильные учебники, не имеется и пришлось привлечь для работы несколько румынских политэмигрантов. Однако, крайне тяжелая обстановка (моральная и материальная), в какой оказались приглашенные работники, заставила большинство из них покинуть Молдавию... Ряд товарищей, весьма ценных для педагогической,

литературной и научной работы, узнав о такой обстановке в Молдавии («любой культработник совершенно необоснованно может быть обвинен в чем угодно, разбираться все равно некому, да и не любят особенно разбираться в этих вопросах, можно шить какой угодно уклон»), отказались вообще приехать сюда...». А далее о кампании, развязанной Культпропом: «...Сама критика шла как-то ненормально: Культпроп, абсолютно незнакомый с обстановкой и сутью спорных вопросов, просто давал соответствующим организациям (НКО, Госиздат, ИНО, КомВУЗ и т.п.) наряд «разгромить» десяток или полдесятка «националистов» данного учреждения; разумеется, что руководители, стараясь выполнить приказ начальства, не особенно стеснялись фактами и квалификациями. А так как в учреждениях молдаван вообще мало, то чтобы выполнить хоть отчасти норму приходилось зачислять всех по ведомству... И действительно, получалось так, что все без исключения молдаване, работающие на фронте нацкультстроительства, оказались буржуазными националистами, протаскивающими националистическую контрабанду, саботирующими линию партии и т.п. Думаю, что излишне говорить о контрреволюционности того вывода, которого пришлось бы сделать о молдавской интеллигенции, если бы всерьез поверить всей той писанине, что печаталась в наших газетах и которая шла под видом борьбы с национализмом» [15, f.1,4-10]. Искренность письма, настоящая боль за дело, которое явно заброшено и никому не нужно, обличительность без доносительства, критика убийственно точная. Наверное, только так и нужно было вести себя интеллигенту. Конечно, с точки зрения сегодняшнего дня – это безумие, самоуничтожение. Система уже отработывала приемы воздействия на тех, кто еще говорил «я думаю». Их окружали холодом подозрительности и недоверия, вынуждали на общих собраниях признавать «ошибки», которых не совершали. Так поступили и с автором этого письма. Действительно, есть протокол собрания и его признание в том, что все, что он написал, является поклепом на «нашу молдавскую парторганизацию» [16, f.16].

1 августа 1933 года было принято постановление Молдобкома и Президиума Контрольной Комиссии о снятии с работы и об исключении из партии И.В. Очинского, так как он: развалил работу Молдавского Научного Комитета и журнала «Октомврие»; не боролся с классовым врагом на идеологическом фронте; допустил засорение подчиненных ему организаций классово-чуждыми элементами; саботировал решения партии; двурушничал и способствовал активизации буржуазно-националистических настроений. 3 августа вышло новое постановление о назначении временным председателем МНК Д.Г. Престеску (ректора Комвуза) ввиду болезни ученого секретаря МНК П.В. Корнелиу. В 1934 году ученый секретарь будет вынужден покинуть республику из-за предъявленных ему обвинений в антипартийных действиях, а в 1937 году новый председатель МНК окажется в оперативных списках НКВД. 30 октября 1933 года в центральной украинской прессе (газета *Коммунист*) вышла статья И.Х. Хаита о молдавском буржуазном национализме и о тех, кто его поддерживал. Названы были и фамилии: Мадан, Бучушкан, Гоян, «кулацкий поэт» Кафтанаки [17, с.90-100].

В ноябре 1933 года состоялся объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У, на котором в основном шла речь о борьбе с национализмом. В принятой резолюции предполагалось осуществить ряд мероприятий, обеспечивающих дальнейшее развертывание культурного строительства в Молдавии и усиление борьбы с буржуазным национализмом.

История Молдавского Научного Комитета отражена исчерпывающе, по нашему мнению, в статье Б.Лехтмана *Классовая борьба на научном фронте*, вышедшей в сентябре 1934 года в журнале *Красная Бессарабия*. В ней (в духе того времени и новой генеральной линии ВКП(б)) подчеркивалось, что социалистическое строительство в Молдавии происходило в условиях «беспощадной классовой борьбы». Было сформулировано понятие *маданизм*, как течение реакционно настроенной части молдавской интеллигенции (Л.А. Мадан до 1932 г. был ученым секретарем МНК, возглавлял лингвистическую секцию, был по убеждению самобытником). Статья Б.Лехтмана уличала Л.А. Мадана в старании «вытеснить из молдавского языка слова, рожденные Октябрем, и интернациональные термины», взамен которых «искусственно» создавались «слова, искривлявшие и засорявшие молдавский язык». Ему ставилось в вину и саботирование (вместе с разоблаченным «авантюристом» Очинским) выпуска «стабильных» учебников и словарей. Помимо Л.А. Мадана, представителями «местного национализма» были названы А.Г. Игнатович, И.Ф. Гоян, И.Х. Иремица, Ф.Т. Думитрашко, которые, по мнению Б.Лехтмана, «старались давать «румынское» выражение таким словам, как «совет», «колхоз», «пятилетка», давно вошедшим в обиход интернационального революционного движения». Досталось и Ф.К. Малаю («румынизатору» в прошлом) за «легкость мыслей» и «эксперименты» над молдавским языком. Именно теперь вспомнили и о П.Киору, не проявившем «классово-партийной бдительности» и отрицавшем

«возможность появления молдавского шовинизма». Не были забыты и его рассуждения о привлечении к делу развития молдавской культуры «лояльных строителей новой жизни», в которых он проглядел замаскировавшегося «классового врага». И.В. Очинский был назван «проходимцем с партийным билетом», «петлюровцем», которому бывшее руководство (в лице И.Сирко) доверило «культурный фронт». И наконец, было высказано то, что впоследствии легло в основу обвинений в адрес многих репрессированных: «Люди, ошибки или вредительские установки, которых мы здесь обрисовали, по сути дела вели, в связи с украинскими националистами и при поддержке Скрыпника, контрреволюционную буржуазно-националистическую линию в области национально-культурного строительства, линию, которая вела к отрыву от СССР Украины и ее неразрывной части АМССР, линию реставрации капитализма...» [18, с.208-211].

В стране устанавливался политический режим, который руководствовался теорией вождя «о перманентном обострении классовой борьбы» и о недремлющих внутренних и внешних врагах. В моменты политических и экономических кризисов именно они оказывались ответственны за некомпетентность и ошибки политического руководства. Под лавину репрессий попадали в первую очередь те, кто, по мнению власти, были ей враждебны хотя бы по социальному происхождению. И при любой карательной кампании интеллигенция, как правило, оказывалась в числе жертв. Первоначально удары приходились по «старой» интеллигенции, затем – по «новой», возвращенной ею же. Тоталитарная власть наносила в МАССР предельно жестокие удары, зачищая республику от «классового врага»: по крестьянству; по служителям культа; по интеллигенции. Разрушая вековые традиционные устои села, проводя кампании по чистке национально-культурных организаций, уничтожая и спорное и дельное, тоталитаризм защищал себя от потенциальной угрозы протеста со стороны общества.

Литература:

1. Резолюция Бюро Молдобкома по докладу начальника ГПУ о политическом состоянии Молдавии. 29 марта 1932 года. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S. Moldovenească: Culegere de documente și materiale* / Alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004.
2. *Закрытое письмо бригады корреспондентов газеты «Правда». 1932 г.*
<http://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1017572>
3. МОВИЛЯНУ, Н. Исход. В: *Молдова и мир*, 1992, №8-9.
4. *Справка о реабилитации Волошенко М.А.*, выданная военным трибуналом Одесского военного округа № 143/н от 20 марта 1958 года. Архив семьи Волошенко-Селиверстовых-Зинченко, 1 л.
5. АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 2288, листы 27-28.
6. РЕПИДА, Л.Е. Становление советского государства и особенности левобережного Приднестровья. В: *Приднестровская государственность: история и современность* (Сборник статей). Тирасполь, 2005.
7. АОПОРМ, Фонд 49, опись 1, дело 2259, л.11-12.
8. Тираспольский объединенный музей (ТОМ). *Воспоминания о Коммузе*. Основной фонд, № 12462, л.1.
9. Докладная записка Ю.Сырбула в Культпроп Молдобкома КП(б)У. 1932 г. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S. Moldovenească: Culegere de documente și materiale* / Alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004.
10. Архив общественно-политических организаций Республики Молдова (АОПОРМ), Фонд 49, опись 1, дело 2225.
11. Там же.
12. АСТВАЦАТУРОВ, Г.О. *Очерки истории села Парканы*. В 2-х ч. Часть вторая. Кишинев: Типарул, 1996.
13. Архив общественно-политических организаций Республики Молдова (АОПОРМ), Фонд 49, опись 1, дело 2225.
14. О состоянии молдаванизации и латинизации советско-опр.-хозяйств. аппарата на август 1933 г. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S. Moldovenească: Culegere de documente și materiale* / Alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004.
15. Архив общественно-политических организаций Республики Молдова (АОПОРМ), Фонд 49, опись 1, дело 2225.
16. Там же, Фонд 49, опись 1, дело 2392, л.16.
17. СТРАТИЕВСКИЙ, К.В., СТРАТИЕВСКАЯ, И.К. Из истории Молдавского научного комитета. В: *Ежегодный исторический альманах Приднестровья*, 1998, №2.
18. ЛЕХТМАН, Б. Классовая борьба на научном фронте. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S. Moldovenească: Culegere de documente și materiale* / Alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004.

Prezentat la 08.06.2016